

УДК 930

doi: 10.17072/2219-3111-2017-3-24-32

«Я СЕБЯ ПОД КЕРТМАНА ЧИЩУ» (ЭПИЗОДЫ ПАМЯТИ АСПИРАНТСКИХ ЛЕТ)

А. Б. Цфасман

Германия, 18055, Росток, Волленвеберштрассе, 60
arbenc@mail.ru

Представлены хронологически упорядоченные эпизоды воспоминаний о Л.Е. Кертмане, бывшем для автора сначала научным руководителем аспирантуры, а впоследствии – другом. Даны характеристики особенностям академической карьеры провинциального ученого в советской исторической науке 1960–1970-х гг. Особое внимание уделяется стилю профессиональной и личной коммуникации Л.Е. Кертмана с коллегами, его роль в формировании творческой и интеллектуальной атмосферы на кафедре всеобщей истории Пермского государственного университета.

Ключевые слова: Л.Е. Кертман, Пермский государственный университет, мемориальные образы, П.Ю. Рахшмир.

Данный текст – не воспоминания в привычном значении этого слова.

Таковых написано немало, и все они талантливо рисуют различные стороны многогранной личности Льва Ефимовича Кертмана. Моя цель – показать его таким, каким сохранила его моя память. Это не непрерывная цепь воспоминаний, а лишь некоторые хронологически последовательные эпизоды.

* * *

*Не ради красного словца
И не красивой фразы ради, –
Как зверь выходит на ловца,
Вы вышли на меня, Аркадий.*

Это были начальные слова адресованного мне Львом Ефимовичем поздравления с наступавшим 1968 годом. И действительно, в отличие от подавляющего большинства его учеников, которым посчастливилось приобщаться к «школе Кертмана» со студенческих времен, я «прибился» к ней со стороны и совершенно случайно. После окончания в 1959 г. историко-филологического факультета педагогического института в Челябинске я был направлен на работу в одну из отдаленных сельских школ Челябинской области, но мечта после двух лет работы поступить в аспирантуру по новой истории осталась. Двукратная попытка связаться с доцентом И.Н. Челпановым из Уральского университета (в Свердловске) не увенчалась успехом. Тогда в августе 1961 г. я направился в Москву (а только там, уверяли меня в пединституте, имеются необходимые библиотеки и лучшие научные руководители) и подал документы в аспирантуру по новой истории в Московском городском пединституте. На одно очное и одно заочное места претендовали восемь человек. После экзаменов «ясновельможный» профессор А.Л. Нарочницкий предложил мне заочную аспирантуру. Я воспринял это как большую неудачу, тем более что в этом случае мне еще по меньшей мере год предстояло отработать в сельской школе. Во время мучительной ночной бессонницы мне вспомнился почти забытый эпизод, как за год до этого в Челябинске я случайно повстречал своего бывшего преподавателя по зарубежной литературе доцента А.А. Бельского, работавшего уже в Пермском университете. Он сказал мне, что там талантливый историк Кертман близок к защите докторской диссертации, и у него наверняка будет аспирантура.

Но Пермь? После Москвы? И открылась ли в Перми аспирантура? И как с ней связаться?

Почти случайно обнаружив у себя адрес Бельского, я телеграммой запросил у него, открылась ли в Перми аспирантура? В тот же день получил ответ, чтобы я срочно выслал документы.

«Зачем высылать? – решил я. – Я отвезу их сам. А если не поступлю, то и до Челябинска от Перми гораздо ближе».

В дороге мне, казалось бы, демонстративно «не везло»: вагон №13, место №13... После Москвы Пермь мне откровенно не понравилась, здание университета показалось мне тяжелым и угрюмым, нелепо расположенным возле железнодорожной насыпи.

Настроенный фаталистически («не поступлю – так не поступлю»), я без особых усилий и волнений сдал на «отлично» вступительные экзамены по немецкому языку и истории КПСС. Экзамен же по специальности (по новой и новейшей истории) откладывался – говорили, что Л.Е. Кертман в Москве (как я узнал позднее, он завершал свой школьный учебник по новой истории, ч. II). Меня все более разбирало любопытство – какой он, Кертман? Отзывы о нем я получал самые хорошие.

Наконец, наступил день первой встречи, он же и день экзамена... Меня встретил, стоя возле своего стола на тогдашней кафедре всеобщей истории, мужчина средних лет, среднего роста и среднего телосложения, с гладко зачесанными назад негустыми темными волосами; он внимательно, но недолго всматривался в меня, затем продиктовал экзаменационные вопросы. Помню, один из них был из истории Англии. Мои любимые вопросы по Германии достались Гале Алпатовой. Слушал он меня внимательно, спрашивая, как бы вступал со мной в беседу. Я чувствовал, что не очень «тяну». Оценка за экзамен – «хорошо».

Затем Лев Ефимович, пригласив нас сесть, спросил у присутствовавшего на экзамене доцента К.И. Ларькиной мнение обо мне: принимать или не принимать. Мудрая Клара Ивановна, хорошо понимавшая Льва Ефимовича, в своей категоричной манере ответила, как мне помнится, следующее: «Принимать. Иначе останутся одни девки». (Имелись в виду Г. Алпатов и С., выпускница МГУ, уже сдавшая экзамен.) Чувствовалось, что такого рода ответа и ждал от нее Лев Ефимович.

Так волей обстоятельств я «вышел» на Л.Е. Кертмана, а точнее, Счастливая судьба «вывела» меня на него.

* * *

1 ноября 1961 г. я стал аспирантом Л.Е. Кертмана.

Спустя какое-то время я заговорил с ним о теме диссертации. Лев Ефимович спросил, не хочу ли я заняться историей Англии? Я ответил, что изучение английского языка может занять очень много времени, и я не успею с диссертацией. Он не стал настаивать и предложил мне самому подумать о теме.

Через несколько дней я предложил ряд тем. Он одобрил тему «Франц Меринг как историк». Я начал «вчитываться» в нее.

Лев Ефимович как бы «прощупывал» меня. Как-то поинтересовался, читал ли я Кафку, Пруста, Джойса? Я удивляюсь ему: историк, а читал этих «сложных» авторов! В другой раз спросил, вновь имея в виду философскую часть моего высшего образования, не хочу ли участвовать в сочинении стихотворного текста к вечеру политсатиры? Я решительно откестился от стихотворчества. Каково же было мое удивление, когда на вечеру политсатиры в исполнении студентов я услышал очень приличные стихотворные тексты Льва Ефимовича!

Вхожу на кафедру. Лаборантки Люба Сониная и Вера Лисина радостно вручают мне молоток и гвозди: надо прибить к стене доску объявлений. Я с уверенным видом берусь за дело: мол, не впервой. Но гвозди гнутся один за другим. Вошел Лев Ефимович, видит это, говорит, что надо вначале проделать углубление шлямбуром. Я не знаю, что это такое. Тогда он откуда-то достал знакомое мне приспособление (короткую трубку, с одной стороны имеющую зубцы), снял пиджак, засучил рукава сорочки и, ловко орудуя молотком и шлямбуром, проделал в толстой стене аккуратное углубление. Чтобы я не так сильно чувствовал посрамление, он поручил мне заполнить углубление деревянной пробкой и забить гвоздь.

Я начал погружаться в тему о Меринге. Неожиданно встретил в одном историческом журнале ГДР информацию о недавно вышедшей книге, повторяющей название моей диссертации. Огорченный, иду на кафедру. Лев Ефимович – за своим столом. Выслушав меня, говорит, что это даже хорошо: было бы хуже, если бы немецкая книга вышла перед защитой. И предлагает выбрать такую тему, которая, наверняка оставалась бы моей. У меня, разумеется, никаких предложений нет. Он ненадолго задумался. Потом произнес фразу, интонацию и содержание которой я запомнил на

всю жизнь: «Аркадий, а почему бы Вам не заняться политической историей Германии накануне Первой мировой войны? Спокойный период Бетман-Гольвега может таить в себе много интересного». Я соглашаюсь, хотя и без большой радости.

Ранняя весна 1962 г. Лев Ефимович в первый раз пригласил меня к себе домой на беседу. Вхожу в подъезд огромного дома на Комсомольском проспекте. На высокий этаж поднимаюсь пешком. Робко звоню в дверь. На пороге – Он. Радужно приглашает войти.

Осторожно иду по паркету в кабинет. Предлагает сесть на стул у большого письменного стола. Сам – напротив в глубоком кресле. Начинает непринужденный разговор. Выясняет, как вхожу в тему. Вижу, не очень доволен. Пытаюсь оправдаться сложностями общежитского быта. Его это не убеждает. Рассказал о том, как в годы войны в Казани в крохотной комнатке по ночам за несколько месяцев подготовил кандидатскую диссертацию. Я начал его расспрашивать о Тарле. Он охотно рассказал, как еще до войны к знаменитому академику попала его студенческая работа и как тот ее умело перекомпоновал, как складывались его отношения с Тарле во время эвакуации. На мой вопрос, где правильно ставить ударение в его фамилии, Лев Ефимович ответил, что Тарле – не француз. Вернулись к моей теме. Лев Ефимович рекомендовал мне обратить внимание на богатые фонды русских дореволюционных журналов, которые хранятся в Пермской публичной библиотеке, а также на возможности извлекать свежие идеи из вышедших томов Полного собрания сочинений Ленина. На прощание он снабдил меня несколькими увесистыми немецкими книгами по истории.

Весна 1962 г. Преподавателей и аспирантов исторического факультета направили в порядке шефской помощи на Краснокамский завод для проведения лекций и бесед на международные темы. Вместе с нами Лев Ефимович, веселый и общительный. Приехали. Я выбрал тему «Берлинский кризис». Уверенный в своих силах, я повторяю ему официальную версию о том, что после возведения Берлинской стены кризис нашел свое разрешение. Он лишь негромко бросил: «Смотря для кого?»

Поздняя весна 1962 г. Кандидатские экзамены по философии и немецкому языку сдал на «отлично». Чувствую, что Лев Ефимович знает об этом, но молчит. На заседании кафедры говорит, что три года аспирантуры – это слишком много времени для подготовки кандидатской диссертации. Аспирантам надо передавать часть нагрузки тех преподавателей, которые завершают свои диссертации. Поэтому, продолжает он, Аркадию поручается прочитать несколько лекций, провести семинары и принять экзамены по новейшей истории на заочном отделении вместо Ю.М. Рекки.

Сентябрь 1962 г. После каникул, проведенных в Челябинске, вернулся в Пермь. На душе тревожно: знакомый аспирант из Свердловска за первый год уже написал одну главу диссертации (по истории КПСС), а я – ни строчки.

Первая командировка в Москву. Мечусь между библиотеками, хватаюсь то за русскую дореволюционную прессу, то за немецкие газеты, то за немецкие монографии. Возле докторского зала Ленинской библиотеки встретил Льва Ефимовича. Он увидел мою растерянность и посоветовал сосредоточиться на событиях 1909 года, начинать собирать материалы немецкой прессы, а монографии, составив картотеку, выписывать в Пермь по межбиблиотечному абонементу.

Октябрь 1962 г. Вернулся в Пермь. Размышляю над темой. Ее нижний хронологический рубеж – 1909 г., время смены канцлеров – Бюлова на Бетман-Гольвета. Отставка Бюлова – следствие распада созданного им консервативно-либерального блока. Но почему он распался? Размышления над этим влекут меня к его созданию. Значит, исследование надо начинать не с 1909 г., а с рубежа 1906 к 1907 годов. Но согласится ли с этим Лев Ефимович? Иду к нему. К моему удивлению, он легко соглашается. И обращает мое внимание на то, что взаимоотношения в среде господствующих классов следует рассматривать с учетом влияния на их политику рабочего движения. Рекомендует прочитать свою статью «Рабочее движение и политика английской буржуазии в 1906–1914 гг.»

Тема меня все более увлекает. Попросился в командировку в Москву. Отказал, сказал, что прежде всего надо использовать все материалы Пермской публичной библиотеки, на их основе со-

ставить подробный реферат. Засел за изучение русских дореволюционных журналов. И, хотя меня соблазняют многие художественные произведения, отдаю приоритет «иностранным обозрениям» и статьям, рисующим отдельные стороны жизни Германии. Особенно интересными мне кажутся статьи за подписью «В. Майский».

Очередная встреча у Льва Ефимовича дома. Беседа нетороплива и довольно продолжительна. Я заговорил с ним о дореволюционном Майском. Он охотно поддержал разговор и рассказал о том, как Майский помог перевести его докторскую диссертацию из совета МГУ, где она без движения лежала несколько лет, в ЛГУ и сам весьма благожелательно выступил в качестве официального оппонента. (В 1984 г. мне довелось иметь несколько бесед с престарелым И.С. Галкиным, который в послевоенные десятилетия возглавлял кафедру новой и новейшей истории и совет по защите диссертаций в МГУ. Я спросил у него, почему докторскую диссертацию Л.Е. Кертмана так долго не выпускали на защиту? Он ответил, что для этой диссертации еще не настало время, а на кафедре у нее имелись влиятельные враги. Когда об этом разговоре я рассказал Льву Ефимовичу, на его лице выразилось сомнение в искренности старого профессора.)

С осени 1962 г. нас, аспирантов, стало гораздо больше. С заочного отделения на очное переведена Галя Алпатова. Приняты в аспирантуру Ленья Малинский, Миша Штабский, Вера Лисина. Быстро сошелся с Малинским, Штабским, Алпатовой – часто общаемся в библиотеках, вечерами – в общежитии, преимущественно в комнате, в которой живу я. Тем для разговоров – множество. Мотор обсуждений – Ленья Малинский: именно он обращает наше внимание на интересные статьи в философских, исторических и литературных журналах. В поле нашего особого интереса – полемика между журналами «Октябрь» и «Новый мир». Наши абсолютные симпатии на стороне «Нового мира», его главного редактора А. Твардовского, автора литературно-критических статей В. Лакшина. С восхищением воспринимаем каждую появившуюся в «Новом мире» главу из мемуаров И. Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь». Из рук в руки передается номер этого журнала с повестью А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Наши суждения становятся все более смелыми. Лев Ефимович, вернувшись с всесоюзного совещания историков, сказал на кафедре, что в исторической науке воцаряется небывалая свобода.

Все чаще в нашем кругу слышны ссылки на его мнение, на его аргументы. И называем мы его за глаза уже не «Лев Ефимович», а коротко «Шеф». Мы стараемся посещать все мероприятия, на которых он выступает: заседания советов, защиты диссертаций, теоретические доклады... Не говоря уже о заседаниях кафедры, во время которых он, кажется, просто «сорит» идеями. Мы же стараемся их «ловить» и «подбирать». А вечерами при встречах с наслаждением повторяем: «Шеф сказал то-то...», «Шеф сказал это...» Он импонирует нам всеми действиями, всем обликом... Мы влюблены в него...

Я чувствую в себе возрастание интереса к теме. Почти целиком занят русскими журналами. С трудом отрываю или отвлекаю себя от разделов литературы – знакомых или малознакомых имен поэтов, писателей, критиков...

Очерки о положении дел в Германии (а были еще и интересные очерки об Англии, на которые ссылался Лев Ефимович в своей книге, о Франции, об Италии и др.) позволяют «погрузиться» в каждодневную жизнь этой страны. Мне уже неплохо знакома политическая жизнь Германии – крупнейшие партии, их политические лидеры. Я знаю их жизненный и политический путь, представляю их облик... Мне уже знаком быт немецкого горожанина, рабочего. Я даже знаю, сколько выпивает пива и съедает сосисок рабочий в пивной, возвращаясь со смены домой. (Я, советский аспирант, такое себе позволить не могу.)

Мои рассказы Льву Ефимовичу о политике и быте Германии становятся все увереннее. Мы оживленно беседуем. Нередко я слышу его очень приятный смешок. Мне с ним уже не боязно, и я чувствую с ним себя не так напряженно, как прежде, а хорошо и свободно. И говорить можем не только о «теме», но и о политике, о литературе, о кино.

Январь или начало февраля 1963 г. Обсуждение моего реферата в германской группе кафедры. Главным специалистом по германской проблематике считается К.И. Ларькина. Профиль ее

знаний и интересов – история германской социал-демократии. Ее претензии к реферату – недостаточное внимание к деятельности социал-демократической партии. Пытаюсь, по примеру Льва Ефимовича, деликатно возражать. Внутренне чувствую, что он на моей стороне. После обсуждения сообщает, что я к командировке «созрел», срок – до 30 дней, последовательно в Москву и Ленинград. Удостоверяется, какие материалы намерен добирать. Замечает, что интересные сведения и оценки можно почерпнуть из архивов, которые содержат документы русских дипломатических представительств в Германии. Дает адреса архивов и обращает внимание на особенности режима их работы.

Прошел месяц. Я вновь с ним за тем же столом. Уверенно рассказываю о том, в каких библиотеках Москвы или Ленинграда удалось разыскать подшивки тех или иных газет, в каких – стенографические протоколы о заседаниях германского рейхстага или прусского ландтага и другие источники. Меня распирает довольство: успел сделать все, что намечали. А намечали много, даже очень много. Вижу, чувствую – и Шеф доволен: разговаривает как-то мягче, с дружеским подтруниванием.

Но финал разговора – серьезный. Во-первых, предстоит с ходу читать курс лекций по истории Германии студентам–вечерникам романо-германского отделения филологического факультета (где декан – А.А. Бельский). Во-вторых, к началу лета необходимо подготовить статью по теме диссертации: предстоит выпуск двух сборников научных трудов по английскому и германскому рабочему движению.

Приходит осознание: не отдых после командировки, а не менее стремительный темп работы.

Я все более убеждаюсь, что во мне «мало Кертмана»: я не был его студентом, не слушал его лекции, не прошел через его семинары и спецсеминары. Мне нравится образ его мышления, логика его рассуждений, и я хочу проникнуться ими. Я купил и читаю его книгу об английском рабочем движении, прочитал его статьи в «Вопросах истории». На заседании кафедры он объявил, что начинает читать лекции по новейшей истории стран Запада по проблемно-хронологическому принципу (вместо общепринятого страноведческого). Несмотря на острый дефицит времени, я решил посещать этот курс, две первые пары в неделю. Уже начало курса показало мне, что есть другой мир истории – не суммы историй отдельных стран, а действительно всеобщей истории, где действуют общие закономерности и вместе с тем проявляются национальные особенности, которые имеют свое объяснение. Завораживает манера чтения лекции – не «читает», а говорит, но говорит так, что доминирует мысль, которая ведет за собой... И дикция, с этим мягким «ц» и приглушенным «л»....

Делюсь восторгами с Малинским и Алпатовой, Леня не только посещает лекции, но и очень умело конспектирует их. (Позже его конспекты мы отдали перепечатать, а экземпляры поделили. Когда об этом я рассказал Льву Ефимовичу, он неожиданно для меня рассердился: мол, как мы могли распоряжаться его авторским правом. Но быстро отошел, сказав: «Ладно, пользуйтесь». Я же, оказавшись после аспирантуры вдали от него и приступив к чтению курса новейшей истории стран Запада, также строил его по проблемно-хронологическому принципу).

Моя главная цель – статья. Но у меня нет опыта: как ее писать? Я ведь не прошел через университет с его ежегодными курсовыми и выпускной дипломной работами. И в каком стиле мне нужно ее писать? Вновь «погружаюсь в Кертмана»: перечитываю его статьи, заглядываю в его книгу. Его аргументация убедительна, стиль строгий и изящный. Надо пытаться следовать им.

Ритм моей жизни целиком подчинен статье. С утра (или после лекции Льва Ефимовича) еду в библиотеку, прихватив папку с материалами, подготовленными с вечера. Там – весь день. И так вся неделя, кроме того дня, когда у меня вечерняя лекция.

Недели уходят одна за другой. Лев Ефимович иногда, когда вместе уходим с его лекции, спрашивает: «Как статья?». Обычно отвечаю: «Пишу». Вопросы – все чаще. На душе – все тревожнее. Но ускорить не могу. Материал убывает медленно, а стопка исписанных мною листов уверенно толстеет. Какой должен быть объем статьи, не знаю...

Проходит месяц. Еще один. Пошел третий. Наконец, Лев Ефимович назначает крайний срок. Я форсирую. И когда остались считанные дни, неожиданно приезжает двоюродный брат: в Перми

начинается его круиз по Каме и Волге. Ночь спим в моей общежитской кровати. Вторую спать не пришлось: завершал статью – писал важную для меня вводную часть к ней.

Закончил. Собрал и сложил рукописные листы. Получилась солидная стопка. Вложил ее в папку, на которой крупно было напечатано «Дело». Подумав, дописал: «о содеянном князем Бюловом консервативно-либеральном блоке и о крахе одного начинания». Отдал до начала лекции. Лев Ефимович глянул, усмехнулся. А я вдруг почувствовал: ярмо – с плеч, хотя бы на время. Ибо был уверен: предстоит немало дорабатывать.

Минула неделя или чуть более. Идем вместе с его лекции. И он как-то игриво, с неповторимой интонацией говорит: «Аркадий, а я читаю Вашу статью». Отвечаю, а на душе тревога: «Я Вам сочувствую, Лев Ефимович» – имея в виду и большой объем статьи, и ее неважное качество, и мой почерк. А он, вдруг сменив интонацию на серьезную, неожиданно для меня сказал: «А знаете, пока неплохо».

День начался, как праздник.

Продолжаем встречаться. От встречи к встрече чувствую: статья ему нравится.

Наконец, состоялся обстоятельный разговор у него дома, за тем столом. Перебирает листы статьи, вижу – на полях нечастые пометки его мелким почерком. На большинстве не останавливается, очевидно, незначительные замечания. Но есть и целые предложения. Здесь он поднимает глаза на меня и объясняет свою мысль. Есть новые для меня мысли, например, о сути неолиберализма и его отличии от либерализма классического. Или о новых чертах консерватизма. Статью в целом одобряет, однако хвалит сдержанно. Но я и сам не ждал большего. Стали думать о ее названии. Лев Ефимович предлагает такое – ведь сборник посвящен рабочему движению: «Влияние рабочего движения на борьбу в лагере господствующих классов Германии в период бюловского блока». В завершение сказал, что после исправления замечаний статью можно печатать. Но не всю, без последней части – о развале блока, иначе она слишком большая.

В машинописном виде статья без последней части вышла в сто пятьдесят страниц. (Плюс много страниц примечаний, которые я вечерами печатал на машинках романо-германского факультета.)

Представляя ее на заседании кафедры в германский сборник, Лев Ефимович похвалил ее, назвал небольшой монографией и неожиданно для меня сказал, что это – половина диссертации. Напомнив о филологической части моего образования, он поручил мне откорректировать, а где нужно – отредактировать сборник. С чувством, что за второй год аспирантуры мне удалось сделать что-то значительное, я уезжаю на короткие каникулы в Челябинск.

По возвращении в Пермь застал вышедший из печати сборник «Вопросы истории международного рабочего движения» (вып.2). Моя статья заняла половину сборника. Коллеги-аспиранты, в том числе Леня Малинский, мнение которого я очень ценю, хвалят ее.

Как-то иначе, как к более «взрослому», относится и Лев Ефимович.

Продолжаю, хотя не в прежнем темпе, работать: за год надо сделать вторую часть диссертации.

Осенью съездил в Москву, собрал новые материалы.

На кафедре – большое событие: первая защита диссертации. Главный герой – Павел Рахшмир. Первым оппонентом Лев Ефимович пригласил А.Л. Нарочницкого, недавно ставшего главным редактором журнала «Новая и новейшая история». После заседания совет по защите и члены кафедры переместились в хлебосольный дом Рахшмиров. Прежде чем сесть за стол, Лев Ефимович подводит меня к Нарочницкому, представляет и говорит, что следующая защита – моя. Внимательный взгляд сквозь пенсне, вижу – узнал. А у меня промелькнула мысль: «Как хорошо, что я тогда к тебе не поступил!»

Мне кажется, Лев Ефимович стал ко мне доверительней. В беседах часто выходит за пределы научной темы и сам как бы располагает к моим расспросам. Спрашиваю однажды, как он и круг его двадцатилетних друзей воспринимал репрессии 1937 г.? – «Первоначально как наступление Терми-

дора». – О первых неделях войны? – «Был сплошной беспорядок, единственно разумное, что было, – пулеметы на платформах автомашин. Примчимся на участок фронта, построим, создадим видимость активности и – в другое место». На мой восторг по поводу опубликованных в «Новом мире» глав из книги И. Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь» отзывается спокойнее; я чувствовал, что что-то разделяло его с писателем. Вместе с тем обратил внимание на его поэзию... Как-то речь зашла о Науме Коржавине, которого он знал по послевоенным киевским годам. Лев Ефимович признал, что стихи его не очень понравились, как и его странная манера поведения (от него я узнал и о подлинной фамилии поэта – Мандель). Несколько раз я слышал от него строки из песен Б.Окуджавы. И многократно – с шуточной интонацией – из тогдашних популярных песен («Жил да был черный кот за углом...», «Оранжевое небо...» и др.). Однажды, когда вместе шли из университета, он заговорил о романе К.Симонова «Живые и мертвые», о том, в какой мере отразилась в нем правда о войне; меня удивило, что профессиональный историк обратил мое внимание на язык романа, который от начала к концу становился все более емким и образным.

Вообще удивляет огромная начитанность Льва Ефимовича – и историческая, и общекультурная.

Весна 1964 г., середина третьего года аспирантуры. Продолжаю довольно плотно заниматься диссертацией. Это обговоренная ранее новая верхняя хронологическая граница – выборы в рейхстаг 1912 г. – кажется мне не очень убедительной. Возникла мысль: а не положить ли в основу диссертации бюловский блок от создания до распада? Вполне самостоятельный сюжет. Подсчитал примерный объем: вместе с вводной главой, в которую включены обстоятельные историографическая и источниковедческая части, и развернутым заключением может получиться не менее трехсот страниц, т.е. вполне достаточно. Но как убедить Шефа? Четко выстраиваю в уме аргументы, набрался серьезности, прихожу на кафедру и сажусь, как обычно, у окна напротив него. Говорю, что пришел с идеей. Он в шутливо-ироничной манере тут же реагирует: мол, идея – это такая редкость, готов немедленно выслушать. Последовательно излагаю все мои аргументы. Он не перебивает, внимательно слушает. Я закончил. Он немного задумался, потом бросает на меня лукавый взгляд, но как бы всерьез спрашивает: «А кто из нас будет защищать эту диссертацию?» – отвечаю, заметив его интонацию: «Намерен я». Он, почти без паузы: «В таком случае, будь по-Вашему».

Диссертация одобрена на кафедре и рекомендована к защите. Но как быть с оппонентами? Лев Ефимович берет два экземпляра с собой в Москву на какое-то совещание заведующих кафедрами. По возвращении говорит мне, что удалось «всучить» по экземпляру в руки профессору из Черновицкого университета и доценту из Тюменского пединститута. День защиты зависит от их возможности съехаться в Пермь. Видя, что я несколько огорчен, говорит утешительно, что для сильной диссертации он считает достаточным приглашать слабых оппонентов. Тут же парирую, что у Павлика (Рахшмира) и сильная диссертация, и сильные оппоненты. Он, как бы радуясь, что быстро нашелся с ответом: «Но ведь Павлик – первый!»

(24 мая 1979 г., после того как мне удалось защитить докторскую диссертацию в Минске, я дал ему телеграмму: «Дорогой Лев Ефимович, чур, я у Вас второй!»)

Срок аспирантуры истек.

Не дождавись назначения дня защиты, уезжаю в Челябинск, где я принят на работу ассистентом кафедры всеобщей истории пединститута.

После недель ожиданий, казавшихся мне очень долгими, узнаю, что защита назначена на 5 марта. Хорошенький признак! Мало того, что меня угораздило родиться в день рождения Сталина, так и день защиты выпал на день его смерти – 5 марта 1965 г. Приближается время защиты. Постепенно заполняется зал заседаний совета (в старом корпусе). Вижу Льва Ефимовича, он, как обычно, с кем-то оживленно общается. Пришли оба оппонента. Вдруг один из них, холеный профессор, просит, чтобы я отвел его в туалет. Куда вести: в грязный туалет в подвале? Узкими извилистыми коридорами веду его в ректорский. Возвращаемся. Председатель совета, призывая членов совета занять свои места, выговаривает мне за опоздание. Ничего себе начало, думаю я... Очевидно, заметив мое смущение, Лев Ефимович проходит мимо меня и иронически-ободряюще бросает:

«Memento Mori!» Спустия короткое время, почти пробегая в обратном направлении, тихо, но внятно сказал: «Имейте в виду, люди настроены на бикицер» (идишское слово, означающее «покороче», «побыстрее»). Следую этому совету. Мое вводное выступление длится чуть больше десяти минут. Да и ответы оппонентам не затягиваю. Совет ведет себя не очень активно.

... Защита завершена. Следует официальное – поздравление председателя совета. Затем вижу перед собой Льва Ефимовича, чувствую его пожимающую руку. В ответ на его поздравления, смущенный, говорю ему: «А я поздравляю Вас с защитой первого аспиранта». (После получения диплома я подарил ему индийскую фигурку, на которой было выгравировано по-английски, что это «от первенца».)

...Банкет в ресторане на ул. К. Маркса. Собралось десятка три гостей: ректор, члены совета, преподаватели исторического факультета, коллеги-аспиранты, друзья-приятели...

Ведет застолье Лев Ефимович – ненавязчиво, остроумно, интеллигентно. (Не встречал, чтобы кто-то вел застолья как он.) Много говорили, говорили, много поздравляли, много шутили. Мне же хотелось высказать свои главные мысли и чувства. И я встал и сказал. Я сказал о том, с каким трудом давалось Льву Ефимовичу «вышлифовывать» из меня кандидата наук, как я учился у него вузовскому преподаванию, каким недостижимым образцом был и остается он в нравственном, человеческом отношении; я говорил, что хочется тянуться за его уровнем, быть как можно больше похожим на него... И закончил словами: «Я себя под Кертмана чищу».

...Так завершилось мое фактическое аспирантское время.

* * *

...Я никогда не считал себя лучше, способнее своих сверстников-аспирантов. Но строчки из того стихотворного поздравления впечатались в память на всю жизнь:

Мне вся приятна Ваша статья.

Забыв все сроки и заботы, --

Как Вы умели сачковать!

Как научились Вы работать!.

* * *

После аспирантуры мы многократно переписывались, перезванивались, встречались в Перми, в Москве, в других городах. Меня всегда тянуло к нему.

...Последняя встреча состоялась в конце мая 1987 г. Я был в Перми в роли председателя ГАК на заочном отделении исторического факультета университета. Узнав, что я уезжаю в ближайшие дни, Лев Ефимович пригласил меня к себе домой. Как-то так получилось, что пришли мы вчетвером: кроме нас были Галя Алпатова и Леня Малинский. Никого в квартире не было. Мы собрали стол из того скудного, что удалось купить в магазине, и того, что было дома. Лев Ефимович выглядел серьезным и грустнее обычного. Таким я его прежде не видел. Разговор из светского быстро перешел в научно-политический: на дворе уже дышала перестройка. Затем он перерос в спор между Леной и Львом Ефимовичем о классовых оценках явлений истории и политики. Малинский говорил в своей темпераментной манере, Лев Ефимович – спокойно и рассудительно. Разошлись за полночь. Леня, провожая меня до гостиницы, всю дорогу твердил: «А шеф стал либералом...» Я молчал: возражать было бесполезно, раз Лев Ефимович не смог переубедить его.

Назавтра еще до восьми часов утра я зашел на кафедру. Лев Ефимович был уже там. Стоял недалеко от первого окна. Я впервые увидел его таким уставшим. Первое, что он спросил: «Ну, как Вам вчера Леня?» Вопрос застал меня врасплох. Я ответил: «Он был бы в Риме Прут, в Афинах Периклес...». «А здесь он офицер гусарский?» – полувопросительно закончил он и отвернулся к окну.

Через несколько минут мы расстались.

...Следующая встреча была уже на его похоронах. В последний раз я видел это знакомое до мелких черт лицо, этот гигантский лоб, под которым навсегда сокрылись необъятные сокровища ума, знаний, идей... Стоя в глубоком снегу у открытой могилы, я тяжело выдавливал из себя слова Джона Донна о том, что смерть каждого Человека умалывает и меня, что смерть Льва Ефимовича умалила всех нас, близких ему, и тех, кому не посчастливилось стать ему близкими, умалила многих, очень многих...

Спустя некоторое время я получил от Сары Яковлевны книгу Льва Ефимовича об истории культуры стран Европы и Америки. В ней – надпись: «Дорогому Аркадию Беняминовичу в память о Льве Ефимовиче, сначала – учителе, потом – друге. С.Я.»

Эта надпись мне очень дорога. Я рад тому, что он воспринимал меня как друга. Он же всегда был и остался для меня Учителем и недостижимым во всех отношениях Человеком. Как говорят уважаемые им англичане, «Человеком на все времена – The person for all times».

Дата поступления рукописи в редакцию 08.07.2017

**“I’M CLEANING MYSELF UNDER KERTMAN”
(EPISODES OF THE MEMORY OF POST-GRADUATE YEARS)**

A. B. Tsfasman

Wollenweberstrasse, 60, 18055, Rostock, Germany
arbenc@mail.ru

The paper presents chronologically ordered episodes of memories of Lev Kertman, who had been the author’s academic supervisor and later became a friend. Characteristics of an academic career of provincial scholar in the Soviet historical science of the 1960s-1970s are given. Attention is paid to the style of professional and personal communication of Kertman with his colleagues, and to his role in shaping the creative and intellectual atmosphere at the Department of General History of Perm State University.

Key words: Lev Kertman, Perm State University, memorial images, Pavel Rakhshmir.